

ДРАМАТУРГИЯ ЖИЗНИ

Экран и сцена. - 1993 - 6-13 мая (№ 17) - с. 2

Кукарачу убили!

У меня постоянно звонит телефон, и начинается: «Я все время кому-то обязан. Это чудовищное ощущение, — зловещий голос близкого друга в телефонной трубке. — Ты понимаешь, что это значит?» И так далее. Все понимаю и уверяю — все будет хорошо. Узнав о том, что я собираюсь использовать его всхлип для эссе «ЭС», друг страшно возмущается: «Еще не хватало делать из меня всеобщее посмеище!»

Дурачок, сколько узнают собственное отражение в зеркале твоей жалобы. Намедни близкая подруга жаловалась на то же и еще на потерю загранпаспорта. А на день раньше другая переживала: «Даже эта шавка мною недовольна» — имея в виду своего холеного аристократичного кокер-спаниеля. У друга в это время, кажется, уходит жена. У подруги муж кем-то увлекся. Я выслушиваю все это спокойно и говорю: все будет хорошо. На крайний случай — нормально.

Время от времени всем надо изливаться. Даже «малоискренившим». По Аристотелю — это катарсис, по простому смертному — плакание в жилетку.

Жду следующего звонка: есть ведь кто-то неграбленный, состоятельный, неразводящийся, пусть даже с хорошим настроением, не грех, если подпорчу в конце концов. У меня не потерян загранпаспорт, у меня нет капризной собаки, но зато у меня...

Звонок — хватаю трубку, слышу: «Меня оштрафовали, я въехал в туннель с погашенными фарами. А у тебя что?» Я не могу воспользоваться данным шансом. Моя боль требует исповеди, а не реплики. Я не могу рассказать о ней на фоне незажженных фар. Мне хочется крикнуть всем моим плачущим друзьям: стойте, а как же я?

Однажды в июле было со мной такое: по телевизору показывали «Кукарачу» — славное грузинское кино по мотивам рассказа Нодара Думбадзе. Что-то пустячное не сложилось тог-

да в моей студенческой жизни и, весьма огорченная я сидела перед экраном. За сюжетом не следила, а смотрела на узкие немощные гифлиссские улицы, жмурившиеся на немессяцами они любили меня. А я любила гирьмессяцами оаи любили меня. А я любила гирьки несозревшего инжира, от которого неделю болит живот. Сейчас всего этого или нет, или все это поблекло и опечалено, потому что засохшая кровь, да особенно на солнце, отмывается с трудом.

Однако лично для меня лет восемь назад на глобусе все было еще спокойно, саднил и отвлекал лишь собственный пустяк. Я сидела и спокойно смотрела кино до тех пор, пока не раздался с экрана звонкий мальчишеский крик: «Кукарачу убили! Кукарачу...» Тут что-то накатило, так опротивело, что даже не разобрала что: сорвало с тормозов, разомкнуло, раскупило, распечтало залежавшееся внутри большое, и я зарыдала отчаянно, и сама себя испугалась, и еще что-то горько приговаривала при этом, и ощущала кожей присутствие рядом незнакомой, участливой «жилетки». Что за чушь и что это было? Я плакала навзрыд по убитому мальчику Кукараче? По себе? Знаю одно: успокоившись не скоро, я вышла перерожденной из прохладных вод великой реки Ганг. «Истеричка» — подумала изумленно и удовлетворенно.

С тех пор я никогда не плакала. То есть какие-то схожие звуки мною издавались, но напоминали они бессвязные всхлипы.

Сейчас мне необходимо заплакать. у меня то-то, то-то и то-то. Мне не надо столь высокохудожественного повода для слез, как экранизированная новелла грузинского писателя. Я обойдусь. Тем более что улочки с инжиром разрушены и раскурочены. С меня хватит обычного участия: «А у тебя как?», не предполагающего сиюминутного ответа: «У меня-то все северно».

Тут вот почти нашла себе теплую «жилетку», улучив момент, раскрыла рот; с благодарной готовностью подступили к глазам слезы. Я точно знала: он выслушает меня. И выслушал бы. Жаль, его машину остановили и пригрозили снять номерные знаки. Всю дорогу до моего дома он жаловался на судьбу.

«Слушай, — сказала мама, — завтра вечером показываю «Кукарачу». Я замерла в предчувствии.

Ах эти, еще нетронутые улочки. Отчего так сразу захватывает у меня дух? Может, зов крови обнаруживает себя, может, обычная сентиментальность. От того и от другого тяне плакать навзрыд. Впрочем, при наличии особой чувствительности или истеричности, если вам все-таки так больше нравится. Быстрее и быстрее раскручивала пленка сказанный-пересказанный сюжет, и все меньше времени оставалось до этого душераздирающего: «Кукарачу убили! Кукарачу...» и причудливо связанной с ним предтечи моего очищения. Я ждала один на один с этими маленькими людьми, которые жили, любили и мстили только раз и навсегда. Чужая диковатая, безразмерная страсть — ее так много, мне хватит, чтобы захлебнуться, воскреснуть и выйти очищенной, словно из прохлады Ганга. Кто-то потерял загранпаспорт? К черту паспорта, номерные знаки, незажженные фары, всю шелуху, которую я так терпеливо собираю в себе, в то время как у меня у самой...

И тут раздался телефонный звонок. «Как дела? — спросила близкая подруга, — и по особому оттенку ее загробного голоса я поняла, что отвечать неуместно. Мы проговорили сорок минут. Закончили моей фразой: «Все будет хорошо» и ее: «Тебе всегда можно поплакаться...» Всегда.

Кукарачу убили. Убили Кукарачу.

НАТЭЛА МЕСХИ.